

Алексей Варламов: «Михаил Пришвин и охота за счастьем в несчастные времена» | Alexey Prishvin : « Mikhail Prishvin en quête de bonheur à l'époque malheureuse »

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 18.12.2019.

Алексей Варламов в гостях у Русского кружка Женевского университета (с)

Наша Газета продолжает знакомить вас с наиболее интересными событиями нашего партнера – Русского кружка при Женевском университете. Последний рассказ в этом году посвящен лекции русского писателя, ректора Литературного института имени М. Горького Алексея Варламова о малоизвестном писателе, более всего прославившемся описаниями русской природы. Оказывается, жизнь Михаила Пришвина вовсе не была безоблачной.

|

Nasha Gazeta continue la série des publications consacrée aux conférences présentées au Cercle russe de l'Université de Genève, notre partenaire privilégié de longue date. Un écrivain peu connu en dehors de la Russie s'est trouvé le thème de la dernière rencontre de 2019.

Alexey Prishvin : « Mikhail Prishvin en quête de bonheur à l'époque malheureuse »

Алексей Николаевич Варламов, которого профессор Жорж Нива назвал «потрясающим тружеником пера», – русский писатель, филолог, профессор МГУ, с 2014 года – ректор Литературного института имени М. Горького. Член Союза российских писателей (с 1993). Дебютировал как прозаик в журнале «Октябрь» в 1987 г. Первая книга «Дом в Остожье» вышла в 1990 г. Известность автору принесли роман «Лох» («Октябрь», 1995) и повесть «Рождение» («Новый Мир», 1995), которая победила в конкурсе «Антибукер». Лауреат многочисленных других премий, в том числе премии «Большая книга» (2007). Автор ряда публицистических и литературоведческих статей. Член жюри литературной премии «Ясная Поляна». Постоянный автор серии «Жизнь замечательных людей» (выпустил книги о М. М. Пришвине, А. Грине, А. Н. Толстом, Григории Распутине, М. А. Булгакове, А. Платонове, В. М. Шукшине). Обладатель премии имени А. Солженицына (2006). Его произведения переведены на немецкий, французский, испанский, итальянский, польский, китайский, вьетнамский и другие языки. Докторская диссертация А. Н. Варламова была посвящена теме «Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе Пришвина». О Пришвине шла речь и на встрече в Женеве – мы постарались донести суть очень интересного обстоятельного доклада.

Выбор героев

Драматургия жизни людей, родившихся в одном общественном строе, воспитывались в одной системе ценностей, а дальше были опрокинуты в революции, в террор, в новую власть; то, как они привыкали или не привыкали к этой новой власти, шли или не шли на компромисс с ней, их человеческая и авторская стратегии – все эти темы всегда меня привлекали. Отчасти потому, что я сам родился в одной стране, а потом оказался в другой (и я не имею в виду границу).

Фигура Михаила Михайловича Пришвина (1873-1954) интересна прежде всего тем, что он категорически «не совпадает» со своей репутацией. И при его жизни, и в обыденном читательском восприятии после его смерти Пришвин – певец природы, превосходный русский прозаик, «поэт, распятый на кресте прозы», как он сам любил себя называть. Тонкий наблюдатель, мыслитель, натуралист, он прожил самую совершенную жизнь из всех русских писателей 20 века.

У символистов было понятие «жизнетворчество», то есть попытка построить жизнь по законам художественного произведения. Многие пытались, далеко не у всех получалось. У Пришвина получилось идеально! Это был писатель, который в очень тяжелые времена сумел прожить жизнь максимально счастливо и свободно, насколько это было возможно, и работать одновременно и для современников, и для потомков. Современникам он оставил ту прозу, которая была напечатана при его жизни, а потомкам – свой великий дневник. Дневник он вел на протяжении всей своей долгой сознательной жизни – с 1904 года и до смерти, и именно когда он начал печататься, стал понятен истинный масштаб этого писателя. В дневнике описаны такие ключевые события русской истории, как Первая мировая война, революция и все остальное, вплоть до смерти Сталина.

Дневник огромен по объему, вряд ли кто-то, кроме нескольких русских специалистов, прочитал его полностью – это 25 томов очень интересного чтения.

Начало пути

Михаил Пришвин родился в Ельце – тогда в Орловской губернии, а сейчас в Липецкой области. Эта благодатная земля для русской литературы дала и Толстого, и Фета, и Лескова, и Леонида Андреева, и Бунина... В Ельце была одна-единственная мужская гимназия, в которой учились два писателя мирового уровня – Пришвин и Бунин – и преподавал географию философ мирового уровня, Василий Розанов. Именно совпадение этих трех очень разных людей в одном месте стало поводом к тому, чтобы заняться Пришвиным. В то время Розанова бросила его жена Аполлинария Сулова – на 16 лет его старше, возлюбленная Достоевского. Пришвин был трудным подростком, хулиганом, оставался на второй год. Между учителем и учеником возник конфликт – Розанов думал, что Пришвин хочет на него напасть и купил трость со свинцовым набалдашником, чтобы защищаться. В итоге его выгнали из гимназии с волчьим билетом, а он чуть не покончил с собой от расстройств, что его гениальность не признана. Но не покончил, а отправился в Тюмень к богатому дядюшке. Там он закончил реальное училище, затем отправился в Ригу учиться на агронома (на немецком языке) и вступил в марксистский кружок. Первым «проектом» юных марксистов стал разгром публичного дома – в знак протеста против унижения женщин. Лишившиеся места работы женщины были возмущены, а Пришвина посадили на год в одиночную тюрьму за распространение нелегальной литературы. Но еще до этой попытки «революционной деятельности» он, в качестве агронома, ездил в Грузию изучать филлоксеру – «инострannую» болезнь, поразившую местные виноградники, «заразу, пришедшую с Запада». Пришвин проводил параллель между марксизмом и филлоксерой и писал позже, что посреди виноградников «плясал лезгинку грузин с рябым лицом». Есть основания полагать, что он это придумал, но предметом его постоянных размышлений Сталин стал.

(c) Nashagazeta

«Ползут, все ползут!»

До определенного момента Пришвин был недорослем и неудачником. Любящая мать отправила его на учебу в Дрезден, где он смог закончить университет, после чего вернулся в Россию. Агронома из него не вышло, и в начале 1903 года, то есть уже 30-летним, он приезжает в Петербург, чтобы заняться литературой. А ведь люди Серебряного века стартовали очень рано – в 20 лет они были гениями, к 25 – состоявшимися авторами! Но судьба улыбнулась ему в лице фольклориста, отправившего его в экспедицию в Тульскую губернию записывать фольклор. Пришвин, очень любивший технику, отправился туда с фотоаппаратом, а вернувшись, написал свою первую книгу, с фотографиями и поэтическим названием «В краю непуганых птиц». Это был отличный дебют, его приняли в Географическое общество. Но личной своей победой он считал вступление очень элитарное в то время Религиозно-философское общество, которым руководили Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский и Василий Розанов, проделавший за это время свой путь и ставший одним из тузов Серебряного века. Первая попытка не удалась, но Пришвин был охотником и умел преследовать цель.

Он отправился на озеро Светлояр в Нижегородской губернии, с которым связана легенда о затонувшем городе Китеже. Это озеро играло большую роль в духовной жизни России того времени – на праздник Ивана Купалы там собиралась сектантская Русь. В 1902 году Гиппиус и Мережковский побывали там и написали книгу, о чем Пришвин знал. Произнесенные во время второго визита к Гиппиус слова «Вам привет с озера Светлояр» и рассказ о поездке стали паролем – он был приглашен выступить с докладом на заседании Религиозно-философского общества. Во время своего выступления он в какой-то момент опустил на колени и пополз между рядами, повторяя «Ползут, все ползут!» и изображая крестных ход на озере Светлояр. Так он был принят в Общество, «вполз» в большую литературу, пришел к Розанову и напомнил об инциденте в гимназии. Вспоминать это Розанову не хотелось и дело с ним иметь он не стал, оставшись важнейшей фигурой в пришвиновском мировосприятии.

Пришвин не стал писателем первого ряда, но хорошие книжки он писал, как и отличные журналистские репортажи и очерки во время Первой мировой войны, которую он определил как «слепую Голгофу», и о первой революции.

«Делать нечего, я большевик»

В биографическом отношении революция разбила жизнь Пришвина на две половины. К Февральской революции его отношение, как и у многих русских интеллигентов, было скорее положительным – душа его за Россию болела. Большую часть жизни он прожил не в городе, а в деревне, отлично знал крестьянский быт, тема народа была ему близка. Летом 1917 года он уехал из Петрограда в Елец, где незадолго до этого построил на гонорары дом. Там он вел дневник. Параллельно его великий земляк и ровесник Иван Бунин жил в 30 км от него и тоже вел дневник. Между собой они не общались, Пришвин к Бунину ревновал. При всех различиях между двумя этими писателями их впечатления очень похожи – это ужас от того, что происходит с Россией. Для Бунина это примет форму окаянства («Окаянные дни»), по Пришвину же народ впал в хлыстовство, большевики для него – политические хлысты. У обоих – ощущение конца России, тотальной катастрофы. Бунин до конца дней так и не принял советскую модель и избрал изгнание, а Пришвин прожил жизнь как советский классик, незадолго до смерти сделав запись в дневнике – «Делать нечего, я большевик». Выбор двух писателей отражает и выбор всего народа, пошедшего по

двум разным путям.

Почему Пришвин принял советскую власть?

Его дневники начала печататься в конце 1980-х годов, в момент всеобщей эйфории, который сменился 1990-ми, когда всех обобрали. Изучать логику Пришвина было тогда очень интересно.

В январе 1918 года большевики посадили его в Петропавловскую крепость как сотрудника право-эсэровской газеты. Отсидев две недели, он прочел статью А. Блока «Интеллигенция и революция», которая привела его в бешенство. В ответ он опубликовал текст под названием «Большевик из балаганчика», в которой припечатал Блока. Тот ответил частным письмом... А много лет спустя литературовед Иванов-Разумник рассказывал Пришвину, что длинноволосый вития в поэме Блока «Двенадцать», говорящий «погибла Россия», – это и есть Пришвин. Вот такая изящная месть.

(c) Nashagazeta

А потом начался разворот Пришвина в сторону большевизма, за которым очень интересно следить по его дневникам. В 1918 году мужики сожгли – просто так – его дом в Ельце. С этого момента он определяет смысл русской истории после 1917 года как войну между мужиками и большевиками. Но в этой войне он не выбирает ни одну, ни другую сторону, считая, что и те, и другие являются врагами драгоценного личного начала в человеке. Личность с ее достоинством, правами, зрелостью – самое

важное в его философии.

Потеряв дом, он должен был где-то работать, и он устроился в Елецкую гимназию на должность учителя географии – как когда-то В. В. Розанов, который как раз в те дни умирал в Сергиевом Посаде, о чем Пришвин не знал. Потом, в романе «Кашеева цепь», он будет очень некрасиво, мстительно его описывать, да еще даст прочитать написанное дочери Розанова, у которой ранее купил письменный стол ее отца – сейчас стол находится в Орловском государственном музее.

Когда Елец заняли белые, он мог уйти с ними, но не сделал этого. Позже, живя в имении жены, он придет в ужас, поняв, что «народная стихия» не способна ни к какому созиданию, ни к какой государственной точке зрения, а только к разрушению. В какой-то момент Пришвин приходит к выводу, что для интеллигента, затерянного во взбаламученном народном море, большевики ближе, чем мужики, поскольку они несут хоть какой-то, но порядок, а самый отвратительный порядок лучше самого прекрасного беспорядка. Его размышления отражены в повести «Мирская чаша». Главный вывод – со сменой системы Россия не кончилась. Советский период

Пришвин пытается войти в советскую литературу с повестью «Мирская чаша», посвященной «русской смуте», описанной с точки зрения русского интеллигента. Он отправил ее Троцкому, отвечавшему тогда за литературу. Троцкий, признав художественные достоинства произведения, назвал его «сплошь контрреволюционным», подписав таким образом приговор. Именно тогда Пришвин сделал вывод, что не надо ему трогать общественную тематику, а надо писать о природе и животных, что стало очень популярным в 1920-е годы. Именно благодаря выбору «благодатной темы» Пришвин в советское время взлетел и занял место в первом писательском ряду: Горький, Алексей Толстой и он. Революция оказалась для него благом, расчистив литературное пространство.

При этом он никогда не прославлял советскую власть, ничего не писал про коммунистов, он просто нашел тему, против которой советская власть не возражала. Установилось добрососедское сотрудничество – никто не лез в дела другого. Возможно, многие стремились к такой модели взаимоотношений с государством, но далеко не у всех получилось. Пришвин процветал – творчески и материально, за границу не выезжал, но не страдал от этого, в отличие, например, от Булгакова. Зато Россию объездил всю, написав на Дальнем Востоке одну из лучших своих повестей – «Жень-Шень».

Дневник

Пришвин описывал в дневнике все – революцию, Гражданскую войну, коллективизацию, репрессии, Сталина, Бухарина, Великую Отечественную войну, Гитлера, Черчилля...

Биография Пришвина была бы неполной без эпизода, который дает трещину на кажущемся идеальном стекле. В 1933 году было закончено строительство Беломорско-Балтийского канала, писательская поездка на который была организована по инициативе Горького в августе. Почему Пришвин не поехал с ними, неизвестно, но путешествие по каналу он все же совершил – один, в июле, с заездом на Соловки. Беломорканал проходил именно по тем местам, где он родился как

писатель, там он написал «В краю непуганых птиц». Одним из ключевых мест был так называемый Надвоицкий водопад, который был во время стройки взорван. Приехав туда, Пришвин задает себе вопрос, который записывает в дневнике – а стоило ли распугивать птиц? Сам он с большевиками договорился, но был еще народ, была еще страна и его мысли о ней.

(c) Nashagazeta

На организованной для него встрече с эками, строившими Беломорканал, он почувствовал, как фальшиво звучали его слова о том, что к подневольному труду надо относиться как к творчеству. После этой встречи в созданной им картине мира образовалась трещина, которая с тех пор не давала ему покоя. Родилась идея романа о противоречии между рабским трудом/маленьким человеком и государством на новом витке русской истории. Его личные впечатления были усилены рассказами второй, молодой жены, отсидевшей несколько лет в лагере на канале Москва-Волга. Несмотря на отговоры жены, он вернулся к этой теме после войны. Можно предположить, что, будучи человеком тщеславным, он хотел получить Сталинскую премию. Роман был назван «Осударева дорога», в напоминание о Петре Первом, замыслившем канал. Было написано и письмо А. Фадееву, в котором отмечалась своевременность его романа – полный разворот в советскую сторону. Сталин был для него человеком, остановившим революцию и выигравшим войну.

Он отправил роман в журнал «Октябрь» и получил отказ – «уберите лагерь». После войны государство стало более лицемерным, на лагерную тему было наложено табу. Но Пришвин убрать лагерь не мог – без него не было бы романа. При жизни

Пришвина он так и не был опубликован, а затем был назван Олегом Волковым «лакейской стряпней». Что не справедливо, поскольку роман был Пришвиным выстрадан. По его мнению, советская власть была периодом, необходимым для последующего «взроslения» русского народа. Именно «Осударева дорога» стала первым советским романом про лагерь – до Солженицына. Разумеется, роли, сравнимой с сочинениями Солженицына, он не сыграл.

В повести-сказке «Корабельная чаща» есть образ елочки, росшей в тени больших деревьев. Чтобы помочь ей расти, люди большие деревья спилили, а елочка, не привыкшая к мощному свету, заболела и чуть не погибла. Но не погибла. Пришвин сравнивает Россию с этой елочкой, до конца жизни веря в возможность ее спасения.

[Россия](#)

Статьи по теме

[Андрей Зорин: «Толстой и свобода»](#)

[Андрей Степанов: Любовь и нелюбовь к Чехову](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/aleksey-varlamov-mihail-prishvin-i-ohot-a-za-schastem-v-neschastnye>